

ПОСЕВ

ГОД ИЗДАНИЯ XI
№ 27 (478)

ВОСКРЕСЕНЬЕ
3 ИЮЛЯ 1955

ОРГАН РОССИЙСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ
ВЫХОДИТ ЗА РУБЕЖОМ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

„РЕВОЛЮЦИЯ НЕ ТОЛЬКО ВОЗМОЖНА — ОНА ИДЕТ!“

Новый свидетель из СССР говорит о народном гневе, прорывающемся наружу

Л. Д. — интеллигентный пожилой берлинец. До 1950 г. работал старшим инженером на одном из предприятий советской зоны Германии. Был арестован по обвинению в «атитации», приговорен заочно к 10 годам и направлен, через этапные тюрьмы в Бресте, Орше, Москве (Красная Пресня) и Вологде, на Воркуту. Работал на лагпункте «Кирпичный». После потери работоспособности был переправлен в «Зимку» — лагпункт Усть-Вымлага. В январе 1955 г. Л. Д. освободили и, в составе целого транспорта инвалидов, по этапам вернули в Германию.

Л. Д. рассказал представителю «Посева» в Берлине следующее о первом этапе его пути на свободу:

21 января нас из центральной больницы Усоллага доставили в стационар лагпункта № 15 г. Соликамска в сопровождении фельдшерницы, которой было поручено доставить нас — тяжело больных — в Потьму 2. Вечером нас — трое были из Германии, а двое из Польши — доставили в помещение для охраны, где нас встретил оперуполномоченный старший лейтенант Козлов, заявивший нам, что мы поедем в вагоне для заключенных под конвоем. На наш общий протест и указание, что мы освобождены судом, что мы тяжело больные, что мы свободные граждане и нас следует отправить в санитарном вагоне, Козлов ответил: «Поедете так, как повезут». Мы указали ему, что он дискредитирует советский суд и подрывает авторитет советского правительства. Козлов в ответ закричал: «Молчать, посажу в изолятор!».

Нас на руках перенесли в вагон, посадили в одно купе. Никто не мог, по болезни, взобраться на верхнюю полку. Всю ночь мы сидели, в уборную стали пускать только после скандала (трое из нас болели недержанием мочи). Начальник конвоя ругал нас площадной бранью. Фельдшерницу пустили в купе только вспрыснуть морфий д-ру В., находившемуся в обмороке. Тогда сами конвойные солдаты запротестовали против такого обращения с нами. Лейтенант сказал солдатам: «Обращайтесь с этой фашистской сволочью, как знаете» и ушел. Солдаты открыли дверь купе и под руки водили нас в уборную.

В Молотове нас встретил конвой с собаками. При виде нас-полутрупов картина меняется: собак уводят, солдаты снимают штаны, кого ведут под руку, кого несут на носилках. Же-

лезнодорожники качают головами.

Молодой парень спрашивает меня: «Куда, дед, вас тащут?» Отвечаю: «На кладбище».

«Кого привезли?» — спрашивает капитан железнодорожной милиции начальника нашего конвоя. «Фашистскую сволочь» — отвечает лейтенант. Капитан говорит: «Приказываю вам так не выражаться, здесь нет фашистов, здесь больные».

«Палачи!» — кричат рабочие.

«Фашисты тоже люди, а не скот» — кричит наш машинист.

«Вей лейтенанта» — слышится откуда-то.

В пересыльную тюрьму нас перевезли еще живыми. Трое были в обмороке. Начальница санчасти приостановила формальности приема и нас стали приводить в чувство. По

ее требованию администрация была вынуждена задержать нашу дальнейшую отправку на два дня. За эти два дня мы благодаря заботливому медицинскому уходу, хорошему питанию и прекрасному обращению пришли в себя.

Из Молотова в Киров мы следовали в еще более худших условиях. Нас разместили по 12-15 человек в каждом купе, рассчитанном на 7 человек. Повернуться было нельзя. Больные на верхних полках не могли спускаться и испражнялись под себя. Конвойные солдаты не могли вынести запаха и в сорокаградусный мороз открывали окна в коридоре. Люди падали в обморок. Один больной, следовавший в Харьков, пытался удушиться, но его спасли.

Фельдшерницы водили нас в убор-

ную и не уходили из нашего вагона. В Кировской пересыльной тюрьме врачи заботливо за нами ухаживали. Врачи горьковской пересыльной тюрьмы возбудили ходатайство о перевозке нас в санитарном вагоне. Их просьба была отклонена.

В Кирове и Горьком публика и железнодорожники громко возмущались бесчеловечным к нам отношением властей. Рабочие подходили к нам и давали деньги.

Со станции Рузаевка везли нас в тюрьму в санях-дровнях, буквально навалом, как дрова. Когда я по дороге свалился, начальник конвоя отказался протянуть мне руку. Меня поднимали другие заключенные, шедшие пешком.

Медицинский персонал в Рузаевке, сочувствуя нам, задержал нас в больнице на четыре дня, затем рассадил в вагоне для заключенных и сопровождал нас до Потьмы 2».

Л. Д. рассказал о том, что в рабочей среде в последнее время часто стали появляться написанные от руки листовки, обычно комментирующие актуальные события местной жизни, но зачастую затрагивающие и политические вопросы. Так, по словам Л. Д., в депотанции Рузаевка накануне 1 мая 1955 г. среди рабочих циркулировала листовка, составленная в форме открытого письма Булганину. Рузаевские рабочие предлагали ему «в видах урожайности мудрых решений рассаживать товарищей министров квадратно-гнездовым способом, как сажают кукурузу».

Л. Д. был свидетелем тюремного бунта заключенных в московской красно-пресненской тюрьме в ноябре 1950 г. Два этажа тюрьмы были временно захвачены и разгромлены заключенными. Вся тюрьма в это время пела «Вы жертвою пали в борьбе роковой». После этого большое число заключенных было направлено в спецлагери.

Л. Д. не согласен с распространенным за границей мнением, будто расшатывание советского режима началось только после смерти Сталина. По его словам, в лагерях считают, что обострение сопротивления народа режиму началось еще в первые послевоенные годы, что XIX партсъезд уже означал поиски партией выхода из создавшегося тупика и что смерть Сталина — насильственная или естественная — последовала как результат невозможности справиться с создавшимся положением. Между прочим, в лагерях склонны верить в версию об отравлении Сталина Маленковым.

Солдаты конвойных войск МВД не раз жаловались заключенным, что даже в отпуск поехать не могут, т. к. им дома никто руки не по-

РАБОТОРГОВЦЫ

ПРАВИТЕЛЬСТВО ХРУЩЕВА-БУЛГАНИНА ПРОДАЕТ ЗАКЛЮЧЕННЫХ
В МОНГОЛИЮ ПО ЦЕНЕ ОТ 60 ДО 120 ЗОЛОТЫХ РУБЛЕЙ ЗА ЧЕЛОВЕКА

По свидетельству вернувшихся из ССОР в Берлин бывших немецких заключенных, в Монгольской Народной Республике существуют концентрационные лагеря, в которые заключенные направляются из СССР по договору между советским правительством и правительством Монголии.

По сведениям, циркулировавшим среди заключенных и неоднократно подтвержденным отдельными чинами МВД из охраны лагерей, Монгольская республика уплачивает советскому правительству за каждого заключенного, в зависимости от специальности, от 60 до 120 золотых рублей в год. Монгольское правительство обязуется содержать заключенных по нормам ГУЛАГ. Заработок заключенных в Монголии составляет всего около 40% заработка заключенного в центральной части СССР. В Монголии заработная плата выплачивается не деньгами, а талонами, принимаемыми только в торговых ларьках лагерей.

По сведениям заключенных, работающих счетоводами в нескольких лагпунктах Монголии, в 1953 г. там существовало 18 таких лагпунктов. В 1952 г. общее число заключенных, в связи со строительством полотна железной дороги, доходило до 60.000 человек, а в 1953 г. снизилось до 43.000.

Администрация — смешанная: около 65% — монголы, остальные — русские. Среди заключенных есть и иностранцы, преимущественно поляки, испанцы и греки (из коммунистических армий своих стран), есть и немцы, добровольно поехавшие в Монголию из других мест заключения. Обращение с иностранцами менее жестокое. Как правило, иностранцев помещают в лагеря, где начальник и оперуполномоченный — русские.

Монголы же выжимают из русских заключенных всё, что могут, произвольно увеличивают рабочий день, за каждое нарушение режима бьют плетью. Медицинский персонал состоит из полуграмотных фельдшеров и за заключенных не заступает. Врачи имеются только в центральной больнице. Иностран-

цев избиениям не подвергают, но зато держат в изоляторе на голодном пайке (горячая пища — раз в трое суток).

В конце прошлого года русский старший надзиратель на лагпункте 2, не выдержав зрелища избиения русского заключенного монголом — выстрелом из револьвера убил монгола-лейтенанта. После того, как он отсидел несколько недель в тюрьме, он был уволен со службы.

На работы по проведению каналов, строительству железнодорожного полотна и рытью котлованов заключенных сопровождает конный конвой монголов с собаками.

Отклонение в сторону, хотя бы на шаг, вызывает команду: «ложись!» и все заключенные должны лежать в течение 15-20 минут на земле с вытянутыми руками, опустив ладони на землю. Промедление влечет за собой порку плетью. Зимой всегда несколько заключенных лежат в стационаре с обмороженными ногами и руками.

Укладка рельс не отменяется даже в сорокаградусный мороз.

Пайки — одинаковые с гулагаками: хлеба — 800 гр., сахара — 25 гр., мяса — 65 гр. Завтрак выдается в 5 ч. утра.

На каждом лагпункте существует коммерческая столовая, где заключенные за талоны получают мясо, борщ, пирожки и т. д., но в таких столовых заключенные могут обедать не чаще двух раз в неделю, и то только специалисты, зарабатывающие до 40-50 руб. в месяц.

Баракы зимой промерзают, температура не поднимается выше 5 градусов. Иностранцы размещены в бараках вагонной системы, а русские спят на нарах вповалку. Самоубийства и членовредительство — постоянные явления.

По слухам, циркулировавшим в лагерях, правительство красного Китая в октябре 1954 г. возбудило в Москве вопрос об отправке в промышленные центры Китая 15.000 заключенных-специалистов из лагерей СССР на таких же основаниях, как в Монголию. (РАП)

POSSEV

Russische Wochenzeitung
Russian anticommunist weekly
Hebdomadaire anticommuniste russe

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

ADRESSE DER REDAKTION:

Possev-Verlag, Frankfurt am Main,
Merianstrasse 24 a, Deutschland